

ПРОТОКОЛ заседания Комиссии
по осмотру рисунков арийс-
ких древностей художника
Тороса Тораманяна. / В. П. /
~~и др.~~ СПб. : Тип. Имп. Акад.
Наук, 1908.

Ар. ✓
3896

Ар

П-83

302.6 (Ар)
П-836

1.

ПРОТОКОЛЪ

засѣданія Комиссіи по осмотру рисунковъ анійскихъ древностей художника Тороса Тораманяна.

10 мая 1908 года.

Присутствовали:

подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, академика С. Ѳ. Ольденбурга — академики К. Г. Залеманъ и Н. П. Кондаковъ; представитель Императорской Археологической Комиссіи, заслуженный профессоръ, академикъ Н. В. Султановъ; представитель Императорской Академіи Художествъ, академикъ архитектуры М. Т. Преображенскій и ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета Н. Я. Марръ.

1) Непремѣнный Секретарь ознакомилъ Комиссію съ тѣмъ, что было сдѣлано Академіею Наукъ для поддержки художника Тораманяна въ его работахъ надъ анійскими древностями.

2) Профессоръ Н. Я. Марръ прочиталъ краткій біографическій очеркъ художника Тораманяна и указалъ на произведенныя и производимыя имъ въ Аніи работы.

3) Комиссія подробно ознакомилась съ представленными г. Тораманяномъ рисунками и образцами, послѣ чего академиками Н. П. Кондаковымъ, М. Т. Преображенскимъ и Н. В. Султановымъ были сдѣланы рядъ замѣчаній какъ относительно большаго научнаго значенія работъ г. Тораманяна, такъ и относительно способа производства работъ. Записки профессора Н. Я. Марра и академикомъ Н. П. Кондакова, Н. В. Султанова и М. Т. Преображенскаго прилагаются къ настоящему протоколу.

4) Комиссія единогласно постановила довести до свѣдѣнія Историко-Филологическаго Отдѣленія о томъ, что она признаетъ за рисунками

бш.
Ар
П-83

Ар 3Р 3885

(10899.60)

3896-2000

и объёмами художника Тороса Тораманяна большое научное и художественное значение, и что она считает продолжение его работ в Ани крайне желательным в интересах науки и искусства.

5) Комиссия постановила просить Историко-Филологическое Отделение копию с протокола Комиссии, вместе с приложенными к нему записками, препроводить художнику Торосу Тораманяну.

2.

Записка академика Н. П. Кондакова.

Рисунки архитектора Тороса Тораманяна с Аниских памятников, монастыря Гошаванка и храма VII вѣка близъ Эчмиадзина, охватывающіе, главнымъ образомъ, періодъ XII — XIII вѣковъ, а также нѣсколько замѣчательныхъ памятниковъ VII и IX — XI столѣтій, даютъ и указываютъ археологической наукѣ рядъ драгоценныхъ памятниковъ древности, приобретающихъ особую историческую важность для науки христіанской и византійской археологій. Уже давно византійская археологія оказывалась рамкою слишкомъ тѣсною для того, чтобы вмѣстить въ себя рядъ отдѣловъ греко-восточнаго искусства, перѣдко отъ него зависѣвшихъ и пользовавшихся его образцами, но еще болѣе развивавшихся самостоятельно, въ видѣ особыхъ его вѣтвей. Всѣмъ давно становились ясны своеобразное построение грузино-армянскаго искусства и условность его приобщенія, какъ вѣтви, къ искусству византійскому. Въ настоящее время можно утверждать, что параллельно съ византійскимъ искусствомъ, въ собственномъ смыслѣ слова, существовало и развивалось, въ цѣломъ рядѣ національныхъ мастерскихъ всякаго рода, искусство греко-восточное. Оно имѣетъ свои корни въ искусствѣ Александрии, развилось, главнымъ образомъ, у коптовъ и въ художественной промышленности Сиріи, а также во многихъ мѣстностяхъ Малой Азии и Кавказа. Его издѣлія и орнаментака перешли затѣмъ въ южную Россію и распространились вплоть до XIII вѣка до самаго Балканскаго полуострова. Именно это искусство, разрабатывавшееся въ разнообразныхъ кустарныхъ ремеслахъ, сохраняло восточныя декоративныя формы, идущія изъ глубокой древности, и сообщило такъ называемому романскому, т. е. средне-вѣковому западному, искусству ту восточную закваску, которую доселѣ объясняютъ путемъ предположенія всякихъ случайныхъ влияній или даже коммерческихъ заносовъ и вывозовъ черезъ Марсель, побережье Сициліи и южной Италіи. Въ частности говоря, мы доселѣ такъ мало знаемъ грузино-армянскую декоративную скульптуру, что рисунки г. Тораманяна являются во многомъ для насъ своего рода по-

востью. Нельзя не пожелать, поэтому, не только приведенія въ окончательный видъ, для должнаго изданія, этого замѣчательнаго собранія, но и исполненія точныхъ фотографическихъ снимковъ съ этихъ памятниковъ. Этого рода задача представляется неотложно желательною.

Академикъ Н. Кондаковъ.

17 мая 1908 года.

3.

Записка академиковъ архитектуры Н. В. Султанова и М. Т. Преображенскаго.

Разсмотрѣвъ рисунки и объёмы архитектора Тороса Тораманяна, произведенные имъ въ развалинахъ Ани, мы нашли нижеслѣдующее.

Чертежи и объёмы эти представляютъ крайне интересный археологическій и научный матеріалъ, такъ какъ указываютъ на такія течения въ древнемъ искусствѣ, которыя до настоящаго времени не были извѣстны въ Европейской наукѣ, а потому продолженіе этого рода работъ крайне желательно и представляетъ собою большое значеніе для будущаго. Независимо отъ сего, собранный г. Тораманяномъ матеріалъ имѣетъ большое художественное значеніе.

Что же касается до графическаго исполненія, то мы находимъ, что оно является гораздо болѣе сильнымъ тамъ, гдѣ оно сводится къ чертежу, и болѣе слабымъ тамъ, гдѣ оно выливается въ формѣ сложнаго рисунка.

Въ виду этого, наиболѣе удачными являются у него прямолинейные объёмы, которые отличаются значительною тщательностью, затѣмъ орнаменты геометрическаго характера и, наконецъ, стилизованный растительный орнаментъ, при чемъ за изображеніями такого рода можно признать полную документальность.

Болѣе слабыми являются изображенія человѣческихъ фигуръ и животныхъ, которыя для полной точности желательно было бы фотографировать.

Независимо отъ сего, самое исполненіе въ-чистоту отличается нѣкоторою сухостью и иногда грѣшитъ въ построеніи тѣней, вслѣдствіе чего не можетъ служить оригиналами для изданія; поэтому, въ этомъ послѣднемъ случаѣ было бы весьма желательно поручать исполненіе въ-чистоту опытному рисовальщику по объёмамъ и рисункамъ г. Тораманяна.

Что же касается до плановъ зданій, то для ихъ абсолютной точности слѣдуетъ предложить г. Тораманяну ознакомиться со способомъ ихъ объёма, предложеннымъ архитекторомъ П. П. Покрышкинымъ въ „Извѣстіяхъ Императорской Археологической Комиссiи“.

Заслуженный профессоръ, академикъ Н. Султановъ.

Академикъ архитектуры М. Преображенскій.

голодалъ днями, а затѣмъ и обтрепался въ конецъ. До сихъ поръ онъ еще продолжалъ свое дѣло, но далѣе и работъ нельзя было вести, и тогда онъ поѣхалъ въ Эчмиадзинъ съ помощью сердобольныхъ людей, оказавшихся и въ районѣ пустынянаго Ани. Въ Эчмиадзинѣ къ г. Тораманяну, явившемуся въ пострадавшемъ отъ работъ платьѣ, изнуренному, полубольному, да еще турепкоподданному, называвшему себя архитекторомъ, когда онъ не имѣлъ диплома Русской Академіи Художествъ или какого-либо высшаго технического института, отнеслись болѣе, чѣмъ скептически. Кто изъ просвѣщенныхъ монаховъ, въ числѣ которыхъ есть лица съ университетскими дипломами, иначе и не хотѣлъ называть этого самозваннаго въ ихъ глазахъ архитектора, какъ „варнет“омъ, т. е. простымъ мастеромъ. Положеніе г. Тораманяна было критическое. На его счастье или, быть можетъ, несчастіе, въ это время архимандритъ Хачикъ искалъ, кто бы составилъ ему удовлетворительный планъ открытой имъ древней церкви, нынѣ уже хорошо извѣстнаго оригинальнаго памятника, построеннаго въ 650-мъ году католикосомъ Нерсесомъ Строителемъ близъ Вагаршапата (нынѣ Эчмиадзина). Это — даръ наукѣ, получившійся отъ энергіи и неуспынныхъ трудовъ о. Хачика, также не имѣющаго никакого диплома высшей школы. О. Хачикъ пригласилъ Тороса Тораманяна составить планъ храма Вдящихъ Силъ (Зовартиноц), какъ называлась постройка Нерсеса Строителя. Торосъ Тораманянъ охотно принялъ предложеніе, но вскорѣ увидѣлъ, что недостаетъ существенныхъ частей, что можно и надо кое-что еще откопать. Часть раскопокъ была произведена въ его присутствіи. Новыя подробности начинали оправдывать его мысли, хотя эти мысли не менѣе смущали автора, чѣмъ всѣхъ компетентныхъ лицъ, которымъ впослѣдствіи приходилось разсматривать готовый уже его проектъ реконструкціи. Всѣ возставали противъ трехъ-этажности постройки католикоса Нерсеса, особенно оспаривали, чтобы у этого храма могъ быть армянскій барабанъ съ куполомъ и т. п. Услышавъ такой строгій судъ дипломированныхъ архитекторовъ, о. Хачикъ поспѣшилъ ножницами срѣзать у листа съ проектомъ реконструкціи г. Тораманяна соответствующую часть. Но секретъ и смѣлость концепціи строителей армянскаго храма VII вѣка лежали не въ куполѣ, а во внутреннемъ распорядкѣ первыхъ двухъ этажей, особенно перваго, въ координаціи сравнительно тонкихъ колоннъ, декоративно расположенныхъ полукругами, и обширныхъ, смѣлыхъ, по выраженію самого г. Тораманяна, „дерзкихъ“ восьмиарокъ: поддерживая тяжесть второго этажа, онѣ падали всею своею и на нихъ лежащею тяжестью на среднія пары колоннъ въ полукруглыхъ колоннадахъ и на одинокія колонны за четырьмя пилонами. Еще тогда указывалъ г. Тораманянъ, что сила сопротивленія древними армянскими строителями вложена въ эти парныя и одинокія колонны; еще тогда удивлялся онъ, какъ могли эти колонны выдержать такую отвѣтственную роль безъ опасности для всего зданія. Торосъ Тораманянъ напечаталъ маленькую журнальную замѣтку съ рисунками по этому вопросу (армян-

Извѣстія Н. А. Н. 1908.

ской журналъ „Муръ“, 1905, № 5, стр. 185—197), а затѣмъ откопана была мною церковь въ Ани, которая, по свидѣтельству современниковъ, представляла точную копию Нерсесова храма. Мысль г. Тораманяна и здѣсь встрѣтила лишь подтвержденіе. Между прочимъ, оказалось, что тѣ среднія пары полукруглыхъ колоннадъ, на которыхъ, по предположенію г. Тораманяна, лежала несоразмѣрно отвѣтственная роль, въ Ани, дѣйствительно, не могли постоять за себя, и онѣ были заключены въ громадныя пилоны: ихъ обнаружили раскопки. Я уже не буду занимать сейчасъ вниманія Коммиссіи сообщеніемъ о тѣхъ наблюденіяхъ надъ грузинскимъ храмомъ того же типа въ Ванѣ, которыя совмѣстно съ г. Тораманяномъ были сдѣланы мною прошлымъ лѣтомъ. Я не специалистъ по архитектурѣ, а г. Тораманянъ, какъ всякій человѣкъ, способенъ увлекаться своею, допустимъ, гипотезою. Я всю эту исторію позволилъ себѣ привести лишь для того, чтобы иллюстрировать:

- 1) планомѣрность и серьезность работъ г. Тораманяна, считающагося или во всякомъ случаѣ настойчиво старающагося считаться съ фактами и явленіями внѣ установленныхъ шаблоновъ;
- 2) стремленіе г. Тораманяна провѣрять свои построенія на непосредственныхъ наблюденіяхъ надъ однородными памятниками, на всей полнотѣ доступныхъ матеріаловъ.

Привелъ я эту исторію еще потому, что работа надъ проектомъ реконструкціи храма Нерсеса послужила поворотнымъ пунктомъ во взглядахъ г. Тораманяна на интересъ анійскихъ памятниковъ. Онъ увидѣлъ ихъ историческую цѣнность, какъ звеньевъ въ цѣпи развитія армянской архитектуры. Отъ этого только выиграли его сознательное отношеніе къ дѣлу, его акривія въ производствѣ обмѣровъ: между прочимъ, въ рисунокѣ Анійскаго собора онъ теперь усматриваетъ промахи. Съ анійскими памятниками онъ сроднился: въ Ани работаетъ для своего альбома, а съ 1904 года работаетъ и въ помощь мнѣ, составляя планы, проекты реконструкціи, зарисовывая орнаменты и пр. Во всѣхъ работахъ главное его вниманіе обращено на точность обмѣровъ.

Профессоръ Н. Марръ.

10 мая 1908 года.
С.-Петербургъ.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, октябрь 1908 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ С. Ольденбургъ.

ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 8 лин., № 12.

3896-2000

«Ազգային գրադարան»

NL0019725

